

ЗА РОДИНУ

Г. КОНСТАНТИНОВ

Пространство и время

Не подлежит никакому сомнению, что пространство и время являются важнейшими обстоятельствами любой войны, тем более, если эта война захватывает обширнейшие территории. Само собой разумеется, противники держав Оси в своих военных расчетах их также учли. В самом деле, противники держав Оси, главным образом британцы, в течение долгого времени были убеждены, что время и пространство, являются их верными союзниками и не оставят их до победоносного окончания войны. Британцы были уверены, что при затяжной войне им удастся истощить военную мощь Германии и подорвать снабжение германской армии и промышленности продовольствием и сырьем. Пространственная проблема должна была при этом помочь парализовать жизненные силы государств Средней Европы путем их блокады, т. е. совершенной экономической изоляции от внешнего мира, как это было в войну 1914 года. Таким образом, британцы рассчитывали поставить на колени Германию и союзные с ней государства.

На деле вышло иначе. И пространство и время работают в настоящий момент на пользу держав Оси. Германские войска железной стеной стоят далеко на территории Советского Союза. Германские гарнизоны расползены почти во всех государствах Европы. Германское военное руководство располагает в Европе богатейшими источниками сырья, а также продуктами обширных сельскохозяйственных областей. Германия больше не нуждается в пространстве. То, которым она владеет, благодаря примерной организации, используется планомерно и до отказа. Германия обеспечена всем необходимым, как в продовольственном отношении, так и в смысле снабжения промышленным сырьем. Поэтому она может выдержать всякий род войны, также и затяжную и дождаться победного конца.

Этим объясняется то, что летом 1943 года Германия на Восточном фронте в наступление не перешла. В этом у нее не было надобности. Для военных целей Германии достаточно было закрепления за ней территории, находящейся в ее руках, во-первых, — путем защиты от внешнего врага, во-вторых — путем возможно полного хозяйственного охвата. И то и другое достигнуто. Под защитой неприступной стены германских дивизий собран богатый украинский урожай.

Украинская промышленность полным ходом работает на нужды германской обороны, снабжая и население всем необходимым. Для немцев совершенно безразлично, будет ли в продолжение боев на Восточном фронте уступлен противнику клочок территории или нет. Не имеет никакого значения, если противник, в результате его изнуряющих и обескровливающих массовых атак, овладеет несколькими десятками квадратных километров. Нет никакого смысла удерживаться на опустошенной полосе, когда все внимание обращено на уничтожение живых сил противника и на истощение его резервов в колоссальной, изнурительной для атакующих, битве.

Советский Союз переживает в настоящее время кризис снабжения продовольствием. Положение катастрофическое. Сталин принужден любой ценой пытаться вновь овладеть жилищей Советского Союза — Украиной. В этом кроется секрет непрерывного натиска советских войск, продолжающегося уже девять недель. Советское руководство жертвует наскоро согнанной бесчисленной человеческой массой, жертвует накопленными в лихорадочной спешке горами боеприпасов, бросает на уничтожение тысячи танков, построенных ценой нечеловеческих усилий угнетенными русскими рабочими. Но все эти жертвы приносятся впустую. В гигантских сражениях огромный советский урон ватемняет ничтожные потери обороняющегося германского войска. Отсюда становится ясным, что простран-

ство является союзником германской армии, в противовес ошибочному мнению британцев.

Подобное же положение наблюдается в настоящее время на юго-западе Европы. Обладание Сицилией несколько не приблизило к осуществлению англо-американские надежды на окончательную победу. Несмотря на подавляющее превосходство в численности и вооружении, англо-американским войскам не удалось овладеть островом иначе, как пядь за пядью отвоёвывав каждый клочок земли. Такая победа равносильна поражению. Неприятельская пресса открыто признает, что англо-американцы свой «прыжок в Европу» рисовали себе более радужными красками.

И Лондон и Вашингтон горько разочарованы своими сицилийскими достижениями, учитывая потери, понесенные их армиями, вследствие неожиданного для плутократов ожесточенного сопротивления германо-итальянских соединений. Предполагаясь американцами «военная прогулка» по Италии, начиная с Сицилии, обошлась им уже с начала на много дороже, чем они думали. Противникам держав Оси изо дня в день становится яснее и яснее, к каким усилиям им пришлось бы прибегнуть и какие жертвы пришлось бы понести при попытке овладеть колоссальным пространством, прежде, чем удастся ступить ногой на территорию центральной Европы и таким образом оправдать ожидания Сталина, неуклонно требующего создания второго фронта. Этот второй фронт, по расчетам Сталина, должен был бы оттянуть с Восточного фронта до 80-ти германских дивизий. Только тогда Красная армия могла бы почувствовать некоторое облегчение.

В этих рассуждениях главным фактором является вопрос времени. Долго ли еще смогут советские войска добиваться развязки, упорно не желающей наступить вот уже в течение нескольких месяцев? Кроме того, как будут реагировать на подобную производительную потерю времени США, согласившиеся на сицилийскую авантюру исключительно под целым рядом условий? Ведь прямой задачей Рузвельта является разгром своего главного противника на Тихом океане — Японии. Однако, с течением времени японцы все сильнее и сильнее укрепляют свои позиции в области Восточной Азии. Там пространство и время также на стороне держав Оси. Недаром японская газета «Ниппон Таймс» утверждает, что американское контрнаступление, выражающееся в прыжках с острова на остров ни на иоту не приближает ожидаемой противником развязки и поэтому является бессмысленной растратой сил. Квадратные километры в Восточно-азиатском бассейне играют еще меньшую роль, чем на европейском фронте. Войну решат не словесные обещания будущих наступлений, а исключительно суровые факты.

Обстоятельство, что советское наступление этого лета совпало с прыжком в Сицилию и с англо-американским воздушным террором мирных областей Германии, не является случайным. Англо-американские поджигатели войны хотят с воздуха добиться того, чего не сумели достичь с оружием в руках. Однако противникам держав Оси не удастся сломить силу духа сплоченного немецкого народа. Этим способом англо-американцы не добьются уменьшения германского сопротивления. Сладкие сны о времени, якобы работающем в их пользу, сменяются неприятным пробуждением. Германия сейчас, как никогда еще, готова к обороне и ответному удару. Пусть враги не думают, что им удастся достичь победы, предотвратив ответный ход Германии. Несомненным остается одно: эта война будет решена на наземном фронте. Германия со своими европейскими и восточно-азиатскими союзниками приняла все меры к указанному победоносному завершению военных событий.

НОВЫЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ В ЛОНДОНЕ

Тщетные потуги иудейских редакций в британской столице

Стокгольм, 26/8. В лондонских редакциях, как и во всех газетах враждебного лагеря, сидят трусливые иудейские писак, фабрикующие продукты своей фантазии. Они, по характерной особенности всей иудейской расы, предпочитают вести войну пером, не желая с оружием в руках защищать свои интересы. В открытой, честной борьбе они всегда терпят поражение. Гораздо легче кричать и ораторствовать вдали от фронта. Они угощают английский народ сказками об ожидаемых в ближайшем будущем победах «союзников» на всех фронтах. Средний обыватель охотно поддается усыплению красивыми миражами, фабрикуемыми иудейскими умами. Однако, до сего времени не сбылось ни одно из обещаний этих писак. Большое летнее наступление большевиков, проведенное с максимальной затратой военных сил и материала, не привело к реальным успехам. С другой стороны, англо-американцы напрасно пытаются утвер-

*
ОТ НАШЕГО СТОКГОЛЬМСКОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА СЕРГЕЯ ЧЕРНОВА

ждать, что Сицилия принесла большевикам облегчение и явилась реализацией данного Сталину обещания о создании второго фронта. Далее, надежда «союзников», — посредством недостойных человечества актов воздушного террора на жилые кварталы, женщин, детей и стариков, уничтожить силоченность германского народа, — не увенчалась успехом. Эта темная сила, нагло утверждающая, что она де является «поборницей человечности», надеялась расшатать германское единение и веру в победу. Но результат получился совершенно обратный. Общая великая цель, — создать на почве народного социализма мирную Европу, если бы для этого и потребовалась затрата всех сил и тяжелые жертвы, — закалила герман-

ский народ. Англо-американцы своими жестокими методами ведения войны приобрели себе решительного и непреклонного врага.

Неудачный результат воздушного террора больше всего разозлил и разочаровал иудейских редакционных писак в Лондоне. Они бессильно подымают кулаки к лондонским небесам, уже несущим знамения приближающегося германского возмездия.

Практически эта обманутость, консулась, главным образом, английскому народу, который надеялся победоносно окончить войну в несколько месяцев. Теперь он понял, что это были лишь пустые иллюзии. Английский народ утомлен войной, он хочет снова жить так, как жил когда то. Он ничего не желает слышать о «социальных» несуществующих мероприятиях, ему надоела каждодневные заботы о скудном продовольствии. В особенности же действует ему на нервы вечная суэта разговоров о дружбе с большевиками, обоюдно построенная на бесчестных началах. Иллюзии исчезли, недоверие против ответственных политиков растет, и английский народ спрашивает: К чему было объявлять Германии войну!

Если принять во внимание, что английский народ принужден выслушивать прикрасенные доклады о настоящем положении со стороны потеревших доверие критиков и обозревателей, не приходится удивляться его разочарованиям. Так известный английский журналист объясняет: «Военная мощь Германии попрежнему чрезвычайно опасна. Она совершенно не ослабла. Ничто для нас не является более опасным, чем недооценка германской силы». Любая попытка большевиков прорваться, разбивается об исключительную дисциплину и военную мощь германского солдата. Как и японского солдата, германского поддерживает непреклонная воля к исполнению долга. Пусть противники Оси раз навсегда избавятся от ложного мнения, будто бы Германия страдает от недостатка продовольствия и военных материалов. В этих двух отраслях германского хозяйства недостатка нет, все до последнего организовано и продумано.

(Окончание см. на 2-ой стр.)

Уничтожено 236 советских танков и 95 самолетов

Кровопролитные потери большевиков продолжают возрастать

ИЗ ГЛАВНОЙ СТАВКИ ФЮРЕРА

25/8. Верховное командование германских вооруженных сил сообщает:

Большое оборонительное сражение на Востоке продолжается с прежней ожесточенностью. Повсюду, где большевики устремлялись крупными пехотными и танковыми силами на германские позиции, — у Миуса, в районе Изюма, у Харькова и к югу от Жидры — атаки оканчивались неудачей, с тяжелыми для противника потерями. На участке одного только германского армейского корпуса вчера уничтожено 116 вражеских танков.

Сильные соединения германской боевой авиации и авиации ближнего боя поддерживали обороняющиеся силы и рассеивали концентрации советских танков и пехоты. Ночью бомбардированы важные линии большевицкого снабжения и войсковые лагеря.

За вчерашний день большевики потеряли 236 танков и 95 самолетов, большей частью штурмовых.

Старший ефрейтор одного противотанкового батальона, Типетц, 19-го августа, в боях к югу от Вязьмы, в течение тридцати минут разгромил 11 из 32-х нападавших большевицких танков.

У восточного побережья Сицилии быстроходные германские боевые самолеты при дневном налете добились попаданий бомб тяжелого калибра в неприятельское транспортное судно средней величины.

Над занятыми Западными областями германские истребители вчера сбили два тяжелых американских бомбардировщика.

Несколько легких неприятельских бомбардировщиков предприняли прошлой ночью тревожащие полеты над районами Северной Германии. Несколько беспорядочно сброшенных бомб нанесли незначительный ущерб зданиям.

СТАЛИН ВСЕГДА ЛГГАЛ

„Отец народов“ никогда не гнушался пользоваться демагогией и обманом

Берлин, 26/8. Все, что писал Сталин в июне 1917 года, представляет собой ложь и демагогию, рассчитанные на обман народа. На какую статейку сего прославленного «практика революции» мы не обратим свое внимание, везде мы находим следы самой грубой лжи. Так, например, Сталин, этот матерый организатор провокационных демонстраций, всяких шествий и манифестаций, рождающихся вопреки клеветному обещанию партии большевиков перед Советом солдатских и рабочих депутатов — не допускать их, этот специалист демонстраций «из-за угла», доходит до такого дилетантизма, что 14 июня 1917 года выступает в «Правде» со статьей «Против разрозненных демонстраций», в которой пишет ни много ни мало, как следующее: «Демонстрации отдельных районов и полков до главы с неразбирающимися в условиях момента анархистами, демонстрации, устраиваемые вопреки решению комитетов большинства районов и полков, бюро советов и центрального совета заводских комитетов, наконец, социалистической партии пролетариата, такие анархические демонстрации мы считаем пагубными для дела рабочей революции». Большого анархизма, чем то, что представляли организующие сами Сталиным демонстрации — трудно найти, ибо цель их была создать беспорядок, анархию, родить гражданскую войну, но в тот день, когда Сталин узнает, что на даче Дурново «спроисходят собрания представителей заводских комитетов, во главе с анархистами» с целью опередить большевиков и провести собственную демонстрацию — этот волк митингующих надевает овечью шкуру защитника порядка. Он заклинает и запугивает рабочих и солдат тем, что «сливаются с анархистами и предпринимать вместе с ними безрассудные выступления, заранее

*
ОТ НАШЕГО БЕРЛИНСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА БОРИСА ШАТОВА

обреченные на неудачу — это недопустимо и преступно со стороны сознательных рабочих». Более удачно определение всех прошлых затей с толпой, толкаемой сталинскими активистами на улицу, чем «безрассудные выступления, заранее обреченные на неудачу» — не найти, и кому, как не Сталину, знать, что такое демонстрация. Эти цитаты из «великого и мудрого» приведены нами, как образец той типичной для Сталина лжи в печати, когда в борьбе со своими противниками, ради удержания власти над массами, он обернется кем угодно, напаялит какую угодно маску и будет уверять, что белое стало черным, а черное всегда было белым. Уже через три дня, тот же Сталин, в той же «Правде» зовет массы на свою «разрозненную» демонстрацию. Он успокаивает правительство тем, что демонстрация будет, дескать, совсем «мирной», но через два слова не удерживает и проговаривается — «день мирной демонстрации превратится в день грозного протеста революционного Петрограда».

В воззвании «ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда» Сталин умоляет всех выходить на его демонстрацию, в награду за что оружие толпы получат все блага, все мысленное счастье. Чего только им не сулит Сталин! И конец войны, и ликвидацию промышленной разрухи и ликвидацию безработицы. Кошек голоду, дороговизне, спекуляции. Все виды свободы и «вольностей, добытых солдатами в дни революции». Конец политического сыска, арестов без суда и следствия,

конец каторге, освобождение угнетенных народов, мировую революцию, хлеб, мир, свободу! Все, все получите если выйдете завтра под мои знамена и возьмете в руки лозунги «Долой десять министров-капиталистов!»

Трудящиеся России знают, что все посулы Сталина оказались крикливой ложью агитации. Ничего, ни одного пункта из обещанного не выполнено Сталиным и большевиками. В этом воззвании мы видим типичный образец сталинского обмана народа, когда в целях завоевания авторитета, массам обещается рай, все блага, а после победы преподносится ад. Сталинские статьи и воззвания остаются яркими примерами хищной и грязной демагогии и доказательством того, как дешево стоили всегда клятвы этого «великого и гениального» вождя обманутых народов.

Повреждено 55.000 брт тоннажа противников Оси

Берлин, 26/8. (Корр. «З. Р.»). Воздушный налет, совершенный на Палермо, снова свидетельствует об ударной силе германской авиации, день за днем прорывающей новые бреши в англо-американском флоте сообщая в Средиземном море. Как уже сообщалось в сводке германского командования, соединения германской боевой авиации добились тяжелых попаданий в 11 транспортных судов, общей емкостью в 55.000 брт, которые в течение ряда месяцев не будут находиться в распоряжении противников Оси, а потребуют продолжительного ремонта. Повреждения, нанесенные трем военным кораблям противников Оси, скажутся особенно тяжело, ввиду недостатка в кювнейных военных судах в лагере плутократов.

Радикальное средство

Красная армия пополняется сейчас женщинами. Падша Сталин галантно расплачивается перед английскими леги и американскими кино-звездами, чтобы уласи Лилии, этих нежных созданий не коснулось жуткое дыхание войны...

Не угодно ли будет товарищу Сталину вспомнить, какой рев подлила большевика в России, когда с легкой руки истерика Керенского стали организовывать женские батальоны. Что же, неужели так до горька дошло, Иосиф Виссарионович? Женщины на производстве, в шахтах, в родильном доме, на фронте и в концлагерях — всюду женщины...

Только с награждением орденами выходит неудобно. Можем посоветовать от себя, Орден имени Клары Цеткин, звезда Розы Люксембург, звучит очень национально — большевизм. Или «Фонд имени семейства Кагановичей», по предостережению приюта в концлагерях сиротам женщинам-бойцам. Американцы наверху уже организовали общество по сбору пудры и духов для бойцов на советском фронте. А не плохо бы подумать, Иосиф Виссарионович, что детей тоже не переводовал. Может быть поможет?

АКИМОВ

Новые разочарования в Лондоне

(Начало на 1-ой стр.)

Английский народ имеет все основания быть разочарованным и в своих чаяниях насчет Японии. Он верил бесповоротным обещаниям своих политиков, которые обещали окончить войну с Японией в 90 дней. Ни американцы, ни англичане, ни чунцинское правительство не смогли сдержать натиск японского наступления. И не только сдержать! Англичане потеряли на Дальнем Востоке все свои позиции, а американцы до сих пор ничего не достигли. Силы Чан-Кай-Ши на исходе и никто не в состоянии ему помочь. В то время как «союзники» занимают обсуждением военных проблем, Япония создает реальную новую жизнь в Восточной Азии, на почве здорового сотрудничества всех народов, освобожденных из-под англо-американского ига.

Пусть иудей в лондонских редакциях в бессильной ярости потирают кулаками, угрожают и клеветают. Вскоре они получат нужный ответ. Нам же остается лишь жалеть об обманутом несчастном английском народе и о всех тех народах, которые жидовской плутократией были втянуты в эту войну.

Иллюстрированная хроника

Германия

Морские паромы в германском флоте

Берлин, 26/8. (От нашего берлинского корреспондента). Морская война во многих случаях повела к изменению типа и вооружения разных пловучих средств. Во время нынешней войны, однако, вследствие необходимости, вызываемых боевыми условиями, создались совершенно новые типы судов. Эти суда не найти в довоенных списках германского военно-морского флота. Одними из таких являются морские паромы, о которых за последнее время часто упоминается в сообщениях о морской войне у северного и южного европейского побережья. Морской специалист газеты «Фелькшнер Beobachter» сообщает интересные сведения об этих новых пловучих средствах, оказывающих германскому военно-морскому флоту ценные услуги. Речь идет о низкобортом, низкие незаметном, судне своеобразной постройки. Его грузовые помещения не ограничены, как у торгового судна, внешними бортами и палубой, но, напротив, сильно возвышаются над судовыми бортами. Нос морского парома или сокращенно МПФ, не суживается, как у обычных судов, а, широкий и плоский. Присмотревшись внимательнее, можно заметить, что передняя часть судна является подъемным трапом, опускающимся на цепях. МПФ может, поэтому, разгружаться не у пристани, а используя свойства плоского дна, просто въезжать носом на берег. Тогда опускается носовой трап, образующий мостки на берег и груз легко может быть доставлен на сушу, или же, если он состоит из автомашин или танков, сам может съехать на землю. Тип этот напоминает систему английских и американских десантных лодок, оперированных у Дюппа и берегов Сицилии, причем англо-американские конструкции во многом заимствованы от германских. МПФ, приводимые в движение моторами, особенно пригодны для снабжения береговых фронтов, располагающих лишь редкими портами, то есть там, где требуемый военный материал надо разгружать у открытого берега.

МПФ, следовательно, представляет собой связывающее звено между морским и сухопутным фронтом. В начале морские паромы совершали лишь сравнительно короткие плавания по ограниченному морскому пространству или же с материков на выдвинутые вперед островные позиции. При этом они на практике доказали очень высокую мореходность, проявленную ими также и теперь в Средиземном море. Морские паромы оперируют не только там, но и на Балтийском и Черном морях. В частности, они снабжают Кубанское переднее укрепление, причем не только с крупными материалами перескают Керченский пролив, но и совершают далекие плавания по морю, чтобы разгрузить движение по железным дорогам на шоссе и по возможности ближе подвести к фронту снабжение. Б. Шагов.

Мощь германской противовоздушной обороны

Амстердам, 26/8. (Корр. «З. Р.»). По сообщению британского информационного бюро, английские летчики, которым удалось невредимыми вернуться с полета на территорию Германии, заявляют об успешной германской противовоздушной обороне. Как только англо-американские бомбовозы показывались над Германией, в воздух поднимаются целые стаи германских истребителей, набрасывающихся на неприятельские

самолеты во взаимодействии с проекторными соединениями. Один из британских пилотов заявил: «Мы сначала не могли понять, почему вокруг нас вьются так мало гранат. Это нам стало ясно, когда мы заметили приближающиеся германские истребители. Я никогда не видел такую массу истребителей, сосредоточенных в одном месте. Повсюду завязались горячие бои между бомбовозами и истребителями, закончившиеся поражением американских бомбовозов».

Англия

Грабительская эксплуатация колоний

Женева, 26/8. (Корр. «З. Р.»). Депутат рабочей партии, Креш Джонс, в газете «Дейли Геральд» отвечает на критику американцев, относящуюся к Британской империи и способам ее управления. Он пишет, что некоторые английские колониальные методы нельзя оправдать. Джонс заявляет, что следовало бы в особенности ограничить «склонность» британских акционеров, эксплуатировавших колонии в прежние времена, набивать собственные карманы за счет общего благополучия целых областей. При этом Джонс забывает, что британские правительства издревле участвовали в этом хищничестве и что весьма многие министры создали свое богатство на грабеже колониального имущества. Следовательно, речь идет не столько о «склонности» некоторых акционеров, сколько о традиционных методах, успешно применяемых британцами в течение трех столетий. Методы, изменения которых едва ли следует ожидать.

Рост британских долгов

Виго, 26/8. (Корр. «З. Р.»). В кругах лондонского Сити с беспокойством отмечают увеличение британских краткосрочных долговых обязательств. Краткосрочная задолженность странам, валюта которых основана на английском фунте, ежедневно возрастает на миллион фунтов. Общая сумма долгов указанным странам несколько недель тому назад превысила миллиард фунтов стерлингов. Нет никакой надежды, что Англия уделает в определенное время ликвидировать свою задолженность. Все британское хозяйство приспособлено к нуждам военной продукции, вследствие чего не представляется никакой возможности погасить долги на вывозом промышленных товаров, ни реализацией ценностей.

Рочестерский епископ бичует мораль своего народа

Женева, 26/8. (Корр. «З. Р.»). Как сообщает «Ньюс Кроуник», рочестерский епископ заявил: «Моральная ложь и равнодушие, бесчестие и взыточничество характеризуют в настоящее время поведение английского народа. Население, как бы заражено эпидемией бесчестности, распространяющейся на все слои народа. Равнодушие к вопросам морали привело к широкому распространению венерических болезней».

Америка

Реквизиции в стране Рузвельта

Стокгольм, 26/8. (Корр. «З. Р.»). С начала войны американскими властями для военных целей потребовалась огромная сельскохозяйственная площадь. Всего было реквизировано 50.000 сельских хозяйств, большая часть принадлежавших мелким фермерам. Как сообщает журнал «Сетурдей Инвинг Пост», при отчуждении земель их владельцы

дольча выплачивали крайне низкую сумму, установленную американским военным министерством. Фермеры не хотели этим удовлетвориться и пытались законным путем добиться более высокого вознаграждения. При этом они попались в лапы агентов и «юристов», предлагавших свои услуги для «защиты» фермерских интересов. В действительности же эти «помощники» стремились получить по возможности больший гонорар, как с пострадавших, так и с реквизиционных властей. В большинстве случаев плата выкупа повышена не была. Фермерам же, помимо обычных податей, достигавших десяти процентов с суммы выкупа, приходилось платить комиссионные деньги своим агентам и стряпачим. Американские власти тем временем сообщали фермерам, что если те не согласятся на условия военного министерства, то их сыновья вне очереди будут призваны в армию.

Острый недостаток в мясе

Стокгольм, 26/8. (Корр. «З. Р.»). Газета «Стокгольм Тиднингс» сообщает из Нью-Йорка, что США предстоит пережить большой недостаток в мясных продуктах. Несмотря на то, что Америка располагает 78 миллионами голов скота, в августе месяце не вышло из одного годного для убоя животного. Причиной тому является хозяйственная политика правительства, которое своими мероприятиями обмануло скотоводов.

Лондон о затруднениях большевиков

Лиссабон, 26/8. (Корр. «З. Р.»). Лондонские круги начинают постепенно проникать сознанием того, что эластичная германская оборона на Восточном фронте наносит большевикам армиям уничтожающие потери, вследствие чего оперативные цели советского руководства не могут быть достигнуты.

Генерал-лейтенант Мартин, военный обозреватель лондонской газеты «Дейли Телеграф», пишет: «Несомненно, что массовые наступления широким фронтом, как это в настоящее время практикуется советским руководством, чрезвычайно сильно истощают накопленные материальные и человеческие резервы. Германия владеет достаточно обширной территорией Советского Союза, которая позволяет производить маневренные действия в неограниченном масштабе. Принимая во внимание, что германское руководство успешно использует фактор времени, не остается никакого сомнения, что эластичное германское сопротивление имеет шансы закончиться полным успехом. Поэтому, становится вполне понятным, что Москва в последнее время опять возобновила свои требования о создании второго фронта».

Московский корреспондент газеты «Обсервер» сообщает о колоссальных жертвах, понесенных советскими армиями при крайне незначительном продвижении вперед. Главной причиной этого, по словам корреспондента, является дезорганизация советского транспорта и связи, т. к. германцы основательно разрушили, как железные, так и гужевые дороги.

Потери советских армий, несомненно, крайне велики. Широко развитая и улучшенная техника германской обороны непреодолима. Минные поля заставляют платить дорогой ценой за каждую попытку наступления, как это стало очевидным в боях под Орлом. То же самое относится и к продолжающимся в настоящее время боям западнее Харькова и Орла.

Хозяйственный кризис в Центральной и Южной Америке

Лиссабон, 26/8. (Корр. «З. Р.»). Несмотря на то, что в связи с засухой, урожай в некоторых местах Южной Америки не особенно богат, а в Северной Америке наблюдается большой спрос на зерно, условия сбыта южно-американского зерна за последнее время еще более ухудшились. По примеру прежних лет, в Аргентине паровозы опять отапливаются пшеницей и маисом. Потребовалось сжечь не менее одного миллиона тонн льна, ввиду недостатка покупателей, вызванного отсутствием транспортных средств. Не лучше обстоит дела в крупных областях Средней Америки. Однако, там продовольственный кризис возник вследствие недостатка продовольствия. Почти 90 процентов всех мексиканских служащих своими доходами могут обеспечить лишь незначительную часть ежедневных потребностей семьи. Установление твердых цен повлекло за собой исчезновение продовольственных товаров с рынка.

Образцовое здравоохранение в Японии

Токио, 26/8. (Корр. «З. Р.»). После занятия японцами острова Целебеса, там вновь открыто 120 больниц и 240 сельских клиник, после того, как уже прежде были предприняты другие меры для здравоохранения местного населения. Так, например, начался большой противомаларийный поход, во время которого излечено много заболевших, а также осушены большие болотные местности, зараженные малярией.

Последние новости

Германский вспомогательный крейсер в Японии

Берлин, 26/8. (Корр. «З. Р.»). Согласно только что полученному сообщению, германский вспомогательный крейсер «Гор» благополучно прибыл в Японию.

Новый советский посол в Вашингтоне

Амстердам, 26/8. (Корр. «З. Р.»). По сообщению британского информационного бюро из Вашингтона, вновь назначенный советский посол, Андрей Громыко, сделал свой первый визит заместителю американского министра иностранных дел, Сэмюэлю Уэллесу, в государственном департаменте США.

Из Москвы будет отозван посол США

Стокгольм, 26/8. (Корр. «З. Р.»). По сообщению агентства «Ассоинтед Пресс», в официальных кругах Вашингтона заявляют, что в ближайшем будущем предполагается отозвать посла США в Москве, Стэнлиа.

Англо-американцы уничтожают памятники культуры

Рим, 26/8. (Корр. «З. Р.»). При последнем налете англо-американцев на Милан, наряду с многочисленными знаменитыми памятниками культуры и сокровищами искусства, был разрушен дом всемирно известного нотного издательства Риккарди. При этом погибло более чем 300.000 матриц музыкальных произведений, которые издательством были выпущены в течение 350 лет своего существования.

Ураган в Португалии

Лиссабон, 26/8. (Корр. «З. Р.»). По сообщению газеты «Секуло», район Алхеве (южная Португалия) стал жертвой урагана. Посевы пшеницы, бобов, маиса и других сельскохозяйственных культур выращены с корнем и развезены на все четыре стороны. Ураган сопровождался пожарами, уничтожившими жатву на протяжении десяти километров.

отомощки мировою КУЛЬТУРЫ

Очарование зеленого Холма

Вагнеровские фестивали во время войны

(С 15/У по 6/VIII-43 г.)

В 1871 г. Рихард Вагнер впервые приехал в гостеприимный встретивший его Байрейт. Смелый замысел гениального композитора открыл в небольшом, отдаленном и мало заметном городке Байрейте театр для своих фестивалей, встретил здесь полное понимание и живейшее сочувствие. Для постройки заманутого театра, ему была подарена совершенно исключительный по красоте участок земли, неподалеку от города. 22-го мая 1872 г. был заложен первый камень строения. Благодаря все большому распространению вагнеровского творчества, неуязвимая слава окружила его театр.

Под личным руководством Вагнера в июле и августе было приступлено к первым репетициям предосторожного открытия фестивалей. Только шесть лет спустя, летом 1892 г., удалось вторично провести фестивали, в течение которых были поставлены 16 первых представлений «Парсифаля», музыкальной драмы, которая согласно желанию самого композитора, должна была ставиться исключительно в Байрейте. Все возрастающая популярность вагнеровского творчества и настоящие просьбы почитателя Вагнера во всех концах мира привели к тому, что «Парсифаль» стал достоянием и других оперных театров. Исключительная притягательная сила байрейтовских фестивалей не утрачена и по сей день, что объясняется прежде всего акустическими особенностями этого ни с чем несравнимого театра, на сцене которого лучше, чем где бы то ни было, удается найти идеальное осуществление звуковым замыслам музыкальных драм Вагнера. По мере возрастающей музыкальной культуры и усовершенствования постановок крупных германских произведений, не раз возникал вопрос о том, есть ли смысл устраивать эти фестивали в Байрейте, принимая во внимание тесный контакт их руководителей с берлин-

ской государственной оперой и возможностью видеть разное по совершенству постановки и на подмостках других театров. Подобные вопросы, однако, могут прийти в голову только тому, кто никогда лично не ощутил художественного наслаждения от байрейтовских представлений. Следи в этом богатом традициях городе такого количества оперных театров, среди которых избранный и лучший в мире ансамбль оперных артистов, увлеченных одним стремлением, одной мыслью — быть достойным своего высокого назначения — все это создает совершенно исключительное по своей силе эстетическое наслаждение. Интенсивные занятия в течение многих недель над намеченной к постановке музыкальной драмой дают исполнителям возможность проникнуть в такие музыкальные и драматические глубины, которые совершенно недоступны в условиях рядового театра. Из этого углубления, из этой общей атмосферы служения высокому искусству, из живописного ландшафта, из сотрудничества корифеев оперной сцены с идеальным руководством — создается тот шедевр искусства, имя которому — Байрейт, непередаваемое очарование которого еще усиливается изумительными акустическими данными.

До начала войны Байрейтские фестивали устраивались регулярно, а именно после двух оперных сезонов назначался годовой отдых. С начала войны, однако, пришлось покончить с этой традицией, как и со многими другими. В былые времена на театральном сезон в Байрейте связывалась блестящая интернациональная публика, теперь же ежегодные летние спектакли устраиваются для военно-промышленных рабочих, раненых и солдат. Эта часть внешняя перемена повлекла за собой и внутреннюю перемену в репертуаре. Новая публика, в отличие от прежней, лишь медленно и постепенно зна-

комится с характером творчества Вагнера, что достигается благодаря первоклассному исполнению. В былые времена в каждый сезон ставилось все «Кольцо Нибелунгов» и, кроме того, еще одна из музыкальных драм гениального композитора; теперь же ограничиваются отдельными, наиболее известными эпизодами «Кольца». В большей степени, чем когда бы то ни было раньше, привлекаются со всех сторон Германии талантливые молодые силы, которым дается возможность наряду со знаменитыми испробовать свое вокальное и драматическое дарование.

В это лето 1943 г. для 16 спектаклей

Гойя — носитель европейской культуры

«Жилые глухого» — так называли крестьяне долины Мансанарес дом на берегу реки, в полудне ездят от Мадрида. В этом доме отшельником проживал бедный 60-ти летний старик, которого редко-редко можно было увидеть одиноко блуждающим по окрестным полям. Все, кроме его одежды горожанина, выдавало его крестьянского происхождения. Однако, крестьяне сторонились старика, он наводил на них чувство необычайной жутки... Франциско Хозе Гойя и Лучинитес — так звали нашего отшельника — родился в 1746 г. — в простой крестьянской семье. Между прочим, местом рождения Гойя был стог сена.

Живописец, рисовавший, гравер Гойя стены своего дома украсил гротеск-кутими фресками, в которых дал полную волю могучей своей фантазии. Известно всю гамму жизненных переживаний, добившись вершин славы, сделавшись придворным художником, получив дворянство, в частной жизни любившей женщины, среди которых самой прекрасной и избавованной была, увлеченная в ряде великодушных портретов, знаменитая герцогиня Альба, — Гойя с годами все больше сторонился людей. Он давно овдовел. Из двадцати детей — девятнадцать умерло, а единственный, оставшийся в живых, сын в поисках счастья покинул Испанию. Одиночество художника усугублялось тем, что он был совершенно глухой.

В фресках его дома поражает нас бурное стремление выявить накопившийся в душе глубокий pessimизм. Дело в том, что мрачные аспекты жизни Гойе были аналогичны лучше, чем кому бы то ни было, на великих мастерах европейской живописи. С жалким любопытством посещает он тыр-

«Юрибергских мастеров пения» Виланд Вагнер — внук Рихарда Вагнера — создал для новой публичной новой постановки в духе и стиле нашего времени, благодаря чему это гениальное произведение приобрело особую доходчивость. Музыкальное оформление поделили между собой Вильгельм Фуртвенглер и Герман Абенрот; инсценировку и общее руководство, как и за последние десять лет, взял на себя генеральный интендант прусских государственных театров — Гейнц Титген, заслуги которого в области дальнейшего развития и усовершенствования байрейтовских фестивалей поистине исключительны.

мы, больница, дома умалишенных видят собственными глазами ужасы войны. Все это он с несравненным мастерством отображает в своих картинах и гравюрах так же, как и передает переходящий, но ослепительный блеск придворной жизни. Художник Гойя все видел, все изведал. На своих полотнах запечатлел он членов королевского дома, полководцев, поэтов, светских лиц, мажордов.

«Я видел это» — вот слова, начертанные художником на одном из его офортов. Буйное воображение рождает самые необычайные, самые фантастические образы, которые не ведаящая усталости рука превращает на полотне. В этом источник нередко жуткого, но неизменно правдивого творчества Гойя. На другом офорте мы можем прочитать: «Разумному человеку во сне могут привести чудовища. Лишенная из разума фантазия приводит к чудовищному. Но разум, сочетаемый с фантазией, приводит к полному искусству и творит чудеса».

Учителями своими он считал Веласкеса, Рембрандта и, наконец, природу. От Веласкеса он перенял блистательную яркость тональности, у Рембрандта — демоническое волшебство гравюрного искусства, у природы — предельное ощущение жизни. Разочаровавшись в людях, Гойя искал одиночества, но он всегда помнил, что кисть художника, игла гравера созданы для человека. Творчество Гойя по своему богатству почти неисчерпаемо, оно проникает такой глубокой индивидуальностью, что только четыре картины мастера не выявляют перед нами совершенно их человека. Характерно влияние в художественном восприятии Гойя! Из своего одиночества ва-ге-

ликий мастер снова возвращается в мир. В конце концов он переживает в Бордо, где и умирает. Несмотря на старость, Гойя не прекратил своей неутомимой работы. В былые времена, в поисках отдыха от окружающей его пошлости и гримас жизни, он обращался к миру животных, с их прекрасными свободными телодвижениями, о чем красноречиво свидетельствует серия картин и набросков боя быков. Теперь Гойя ищет обновления внутренних сил в самом человеке. Он как бы открывает трудящегося человека и открытие это вдохнуло в его творчество новую молодость, новую жизненную силу. Так изображает он кузицу, а в ней спящих воедино сплю и упоением труда трех людей различного возраста — мальчика, мужчину, старика. Он пишет портрет точильщика с его вертящимся во время работы колесом, пишет водоношу и придает ей облик трезвой практической женщины из народа. Необычайности гоиевского творчества соответствует и характер мастера. Один из современников как то сказал о Гойе, что ему ничего не стоит сесть на рабочую лошадуку и, как любому крестьянину, поплестись восвояси. Мир трудящихся был знаком ему с самого детства и остался близким до конца жизни. Почти 80-ти летний старик с юношеской страстью начинает увлекаться только что изобретенным способом литографирования. Основные свойства творчества Гойя это — неисчерпаемость, граничащая с безумием фантазия, при исключительной способности к труду.

Ему было 82 года, когда он, упав с лестницы, скончался от последствий этого несчастного случая (16 апреля 1828 г.). На рубеже XIX и XX столетия останки его были вырыты из могилы, в которой Гойя покоился в Бордо. Их должны были перевезти в Испанию. В могиле были найдены два скелета и один череп. Мрачный эпизод этой жизни напоминает гравюру творчество Гойя, словно фантастическое преследовало его в потустороннем мире. Весной 1900 г. прах великого художника был перевезен в Мадрид на 8 вороных конях: 19 лет спустя слова извлечены из могилы и окончательно похоронен в одной из расписанных им церквей.

Гойя — художник стоит как бы на рубеже новой эры. Несмотря на то, что творчество его полно неразгаданных тайн, слава его распространилась далеко за пределами Испании. Гойя завершает художественную эпоху и вместе с тем указывает европейской живописи новые неизведанные доселе пути.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ

Кто остался в деревнях. — Две группы колхозников: лодыри и труженики по привычке. — Крестьянин Н. Т. Петров — пленник земли, обрешивший ради нее жизни

Псков

Простой секрет

Минували и медовый и яблочный Спасы. На примере садов и пасек реально ощущается созидательная сила нового порядка. Уже более десяти лет псковичи не видели у себя свободной продажи и такого наплыва яблоков, как в этом году, и это — несмотря на то, что идет тяжелая война и что зимой 1939-40 г. г. от морозов погибли почти все фруктовые деревья.

Секрет так же прост, как и поучителен: с того дня, как исчезла большевистская власть, каждый, кто имел у себя на дворе хотя бы одно фруктовое дерево, приложил все свои силы и умение, чтобы взять от природы ее дары. Человеческий труд и инициатива стали свободными, появилось желание и смысл работать.

Вырастить дерево не легко. Вполне понятно возмущение трудолюбивых людей, когда плоды их забот и труда в один прекрасный день становятся добычей хулиганствующих подростков. К сожалению, набег на чужие сады — отнюдь не редкое явление и в наши дни. Мы далеки от того, чтобы проповедовать драконовские меры против 10—12 летних «преступников», однако, беспечных родителей надо уже сейчас серьезно предупредить, что их прямая долг — внушить детям уважение к чужой собственности и не потому только, что она чужая, а еще и потому, что эта собственность — плод неустанного труда.

Уважение к собственности — уважение к труду. Не поняв этого, мы не возродим своей Родины.

Волосово

Продажа гончарных изделий

В Гатчине, в хозяйственном магазине, находящемся на Берлинской улице, производится продажа гончарных изделий — кувшинов, чашек, горшков и стаканов.

Оредж

Обнаружены памятники 17 века

При осмотре развалившейся старинной часовни в деревне Кашицы представителями германского командования была обнаружена интересная находка: два больших каменных креста со славянской надписью 17-го века. Надписи на крестах дают интересный материал для истории эпохи.

Псковскому историческому музею следует заинтересоваться этими крестами и взять их под свою охрану.

Батецкая

По желанию крестьян

В связи с закреплением земли за крестьянами в частную собственность, по Волосовскому району ведется подготовительная работа по проведению нового землеустройства. При этом крестьянам предоставляется возможность избрать для себя любую форму землепользования: широкополосицы, отрубную или куротскую. При наделении крестьян землей в их постоянное частное пользование, районный земельный отдел будет считаться с пожеланиями самих крестьян.

Деятельность народной помощи

Недавно организованный в Волосовском районе Комитет Народной помощи приступил к сбору средств. На 10 августа в фонд Комитета поступили уже в районную кассу от Княжевского округа (волости) свыше тысячи рублей, из Изварского — 2500 рублей, от Торосовского — 1100 рублей, от Николаевского — 4500 рублей, от Волосовского свыше 1000 рублей и собраны продукты (крупа и мука) во Врудском округе, пос. Певкины.

Одновременно, через окружных (волостных) старшин, приступили к выявлению наиболее нуждающихся граждан, которым будет оказана помощь в первую очередь.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Батецкая

Кино в деревнях

На днях населению прифронтовых деревень был показан кино-журнал военных событий и кино-фильмы: «Путь к свободе» и «Екатерина». Днем по радио передавались русские, украинские и цыганские народные песни.

Крестьяне очень благодарны германскому командованию за доставленное развлечение.

Гатчина

Шахматный турнир казаков

В Н-ской казачьей добровольческой части сильно развиты все виды спорта. Казаки также охотно посвящают свой досуг шахматной игре. На днях закончился шахматный казачий турнир, продолжавшийся одну неделю. Победителями вышли Важики и Лютий, набравшие по 14 очков (из 16 возможных). Третье место завоевал Зенович — 12½ очков, четвертое — с 9½ очками Казимир, пятое — Иващенко, набравший 8 очков. Далее стали Дубовик — 6 очков, Потапов — 4 очка, Данчук — 3 очка, Загорский — 1 очко.

Очередной концерт

В Деряжине состоялся очередной концерт, во время которого хор исполнил целый ряд песен. Перед концертом был сделан доклад на тему «Еврейский вопрос в Европе».

Во многих деревнях — особенно на северо-западе нашей Родины — в середине 30-х годов остались крестьянствовать только старики, более или менее пожилые люди да женщины с маленькими детками. Парни и девушки помоложе покидали колхозы и отправлялись искать счастья на фабрики и заводы. Они устремились в город потому, что там еще надеялись более или менее сносно устроить свою судьбу.

Выдающийся русский писатель, один из соратников погибшего в ссылке Николая Клюева, долго и серьезно изучавший психологию колхозной деревни, в беседе с автором этих строк как-то сказал:

— Может быть я преувеличиваю, но я с ужасом вижу, что Русь, которой я посвящал все свое творчество — в огне. Деревня вырождается. Наиболее талантливые, умные землеробы отошли от плуга. Остались лишь фанатики, для которых лучше смерть, чем уход от земли, от почвы. Эти люди, волею или неволею, сделались рабами колхозов.

Так оно и действительно и было. Работники, из которых состоял средний колхоз, состояли в основном из двух групп: 1) бывшие бедняки — в большинстве слу-

чаев пьяницы, лодыри или лежебоки, с особым их равнодушием — паразитов, живущих умением проявлять себя яркими проповедниками и защитниками «партийной» власти. Обычно такой бедняк приобретает партийный билет, нахлобучивает на шапку красноармейский шлем и на всех собраниях и съездах отчаянно ратует за колхоз, требуя «прокинуть» капитал и разжиревшее на народной крови кулачество.

Часто бывает, что такой «бедняк» становится секретарем деревенской партийной ячейки. Если он поумнее и похитрее да поподлее, то, спровадив в лагерь наиболее трудоспособных мужиков, идет вперед, заделавшись инструктором районного комитета партии.

2) Бывшие середняки. Среди них — не слышим «сталинские» землеробы, но честные, трудолюбивые труженики. Много есть таких, у которых с организационной колхоза как-бы «отсохла рука», пропала инициатива и желание творчески работать. Власть такой человек жалкое существование без надежды, без радости, без стремлений. Меньше всего — упрямых труженников, для которых работа столь же необхо-

дима, как еда или сон. Трудится такой человек как вол — в силу привычки. Вот тружениками такого сорта и держалась советская колхозная система.

В эту группу входило большинство русского крестьянства.

Этим летом я посетил много деревень в Псковском и Островеком районах. Ознакомившись с новыми условиями жизни русского крестьянина, я обязан отметить, что те землеробы, которые не оторвались от почвы, лишь в силу того, что власть земли крепко закрепила их, вновь обрели радость жизни и радость творческого труда.

Никифор Тимофеевич Петров из Старо-русского района может похвастаться тем, что он долгие все мужиков своей деревни «сходил в единоличниках», ухитряясь искусно обойти советские постановления и законы. Никифора Тимофеевича три года душили твердыми заданиями — и такими солидными, что казалось вот, вот весь зажиток вытряхнут.

Кряхтел он, загонял имущество, свиней, разыскивая тайком подряды на извозные работы, но задания выполнял в срок. Слыл он на селе грамотеем, следил за постановлениями партии и правительства, а так как был мужиком дальновидным, то умел подойти к начальству с пользой для себя. Никифора Тимофеевича уже собрался было раскулачить, но на его счастье появилась статья Сталина — «Головокружение от успехов». Никифор Тимофеевич подбежал к прокурору, поклонился ему полупудом масла, да сотней яиц, и таким путем искупил себе право хотя бы годок еще побыть единоличником.

Однако, как он ни ловчился, как ни хитрил, а в колхоз ему всетаки вступить пришлось. Только перед вступлением Никифор Тимофеевич прирезал корову, да трех свиней, чтобы хоть на последок да мясца покушать. Этот поступок, за который советская власть жестоко преследовала, как преступное стремление разбавить имущество перед вступлением в колхоз, сошел ему с рук только благодаря тому, что дальновидный мужичек «наградил окошками» председателя сельсовета и уполномоченного районного исполнительного комитета по коллективизации.

Никифор Тимофеевич — хороший пахарь и огородник. В прежние времена он и новые семена доставит и севооборот, как наука требует, установит. Сад у него хороший был: антоновка, белый налив, сладкая коровка. И очень много вишен.

Но став колхозником, он не занялся ни садоводством, ни полеводством. Артель, членом которой он был, имела свой ларек на колхозном базаре в Ленинграде. И Никифор Тимофеевич большей частью там и занимался, что возил продукты в Ленинград и, что греха таить, «малость спекулировал»...

Теперь он оставил копейный образ жизни и вновь осел на землю — после опубличивания указа о наделении крестьян землей. Умелый землероб вновь ожил в нем: на поле обработанной им возшла рожь, значительно превосходящая по своим достоинствам тоже недурные хлеба остальных крестьян.

Сад Никифора Тимофеевича, доставшийся в свое время колхозу, наполнил вьюны вымерз. Тяжело смотреть на уродливые трупы яблок и вишневых деревьев. Но он уже принял меры, «направленные к тому, чтобы выводить захиревший сад».

И это ему удалось. На Псковском базаре множество ягод: крыжовника, малины, смородины. Только очень мало вишен, точнее — их почти нет. И вот как то раз, на базаре появилась крестьянин, у которого за плечами — два больших кошель, наполненных крупными, сочными вишнями. Это был Никифор Тимофеевич. Покровици буквально облепили его. И через какой-нибудь час кошель были опустошены, хотя хозяин, как человек дальновидный, заломил за них неслыхно низкую цену.

Никифор Тимофеевич сильно подзаработал. Будем же надеяться, что материальный успех побудит его и впрямь улучшить свой сад.

Вас. Кляков.

Без штампов и печатей

Советская система приучила людей к невероятному бюрократизму.

Можно с уверенностью сказать, что ни в одном государстве мира никогда не было такого количества бухгалтеров, всевозможных учетчиков, не было написано столько канцелярских бумаг, как в Советском Союзе.

Канцелярия управляла страной. Канцелярские, бюрократические методы управления проникли во все уголки жизни, пропитали все человеческие взаимоотношения.

Люди совершенно отыкнули верить слову, верить друг другу. На все требовалась бумажка.

Является в учреждение граждан с удостоверением. На удостоверении стоят подпись, номер, дата, печатный штамп. Кавалось бы, чего еще надо? Нет, говорят, не годится. Нужна еще печать. И заявитель, если печать почему-либо не была поставлена, должен был идти за ней к нужной печати. И никого при этом винить было нельзя: такова была система.

Порядок, условия работы были таковы, что каждый советский служащий, исполняя свои обязанности, вечно находился под страхом.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в злоупотреблении, то в халатности, если не в халатности, то еще в чем-либо подобном.

И вот, советские чиновники, ограждая прежде всего самих себя, боясь, чтобы их в чем-либо не заподозрили, часто отказывались просителю в удовлетворении самых законных требований.

Каждый служащий прежде всего думал о том, как бы его в чем-нибудь не обвинили. Если не в

Мощь сверхтяжелой артиллерии

Веские „чемоданы“ в тылу врага — Грозные гиганты неуязвимы

Качество оружия, наряду с мужеством бойцов, скажет решающее слово в великой борьбе народов, бушующей сейчас по всему земному шару. То, что техника оружия в продолжение войны сильно подвинулась вперед — очевидно каждому. То и дело в официальных сообщениях и в газетных статьях говорится о вводе в действие нового усовершенствованного оружия. При этом используется опыт, приобретенный непосредственно в боевых операциях. Так, например, сравнительно недавно вызвали много толков появившиеся в германской армии и у ее союзников «туманометы» и танки типа «Тигр».

Настоящая статья, однако, не будет посвящена новшествам и нововведениям. Обратим свое внимание на род оружия, который, скромно оставаясь в тени, продолжает наносить противнику чудовищный ущерб. Это —

сверхтяжелая артиллерия, — дальнобойные батареи и специальные орудия на железнодорожных платформах. Такого рода артиллерия вводится в действие для разрушения особо важных узловых центров неприятельской обороны. Так например, сверхтяжелая артиллерия с успехом применялась в свое время при взятии Севастополя, на Ленинградском фронте, а в настоящее время является также одной из важнейших опор Атлантического вала. Во всех случаях, когда являлась необходимость решительным ударом парализовать жизненную артерию врага, вмешательство стальных колоссов быстро разрешало задачу.

Было бы нецелесообразным в рамках этой статьи вдаваться в подробные описания тонких технических манипуляций, выполнение которых необходимо с момента указания цели до успешного завершения задачи

— точного разрыва выпущенного снаряда в предусмотренном месте. Всей сложности этой операции неподготовленному читателю объяснить невозможно. Достаточно указать, что «чемоданы», весом в несколько сот килограммов, пролетев многие десятки километров, достигают своей цели с повергающей в жуть точностью. Само собой разумеется, что такие результаты достигаются при наличии тщательно подобранной, хорошо обученной и безукоризненно тренированной орудийной прислуги.

Задачи сверхтяжелой артиллерии очень разнообразны. Тяжелые «чемоданы» сметают и концентрированный натиск атакующего неприятеля и скопления подвижных колонн. Обстрелу подвергаются и базы большевистского снабжения и узловые точки транспорта. Довольно часто обстреливаются и важные в военном отношении цели, лежащие далеко в тылу у неприятеля.

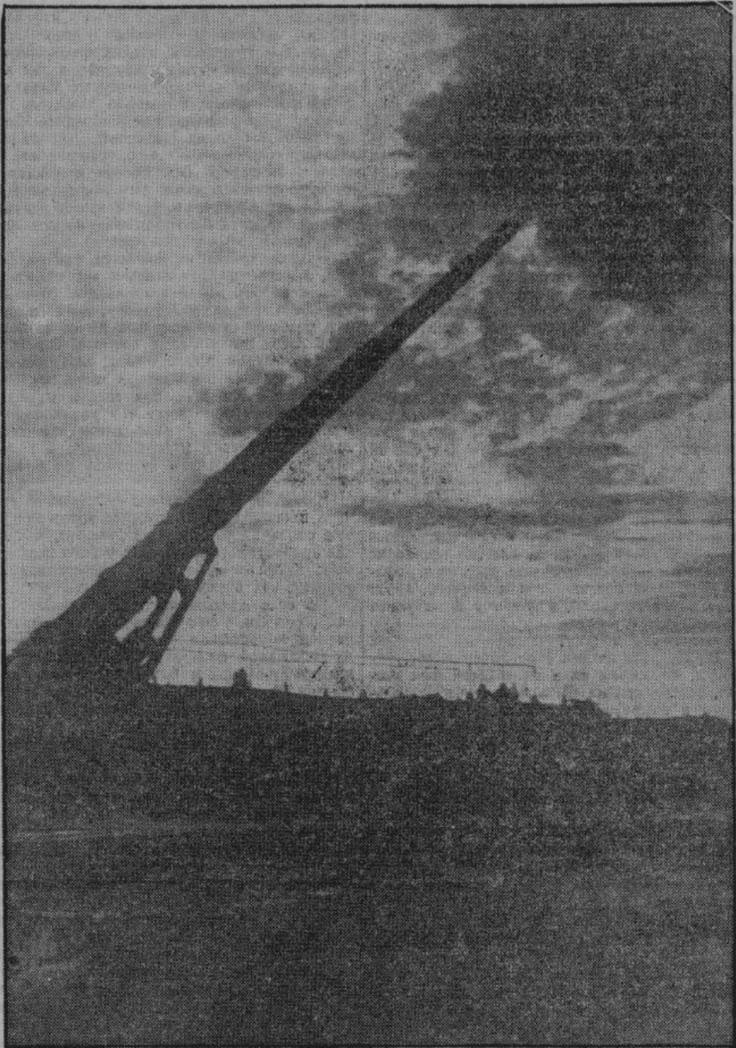
Как раз под Ленинградом удалось непосредственно наблюдать, насколько мощна огневая сила сверхтяжелой артиллерии. Обстрелу были подвергнуты силовые станции, военные заводы и фабрики, важные в военном отношении. Не раз большевики были застигнуты врасплох внезапными разрывами «чемоданов» на лежащих глубоко в тылу аэродромах, среди казарменных построек и на складах боеприпасов.

Вполне понятно, что противник неустанно старается распознать местонахождение позиций сверхтяжелых батарей и открыть ответный огонь. Однако, это ему редко удается. Несмотря на исполинские размеры, сверхтяжелые орудия обладают поразительной подвижностью и легкостью маневрирования. Если же большевикам и удавалось завязать артиллерийскую перестрелку, то эта дуэль, благодаря значительному качественному превосходству германских сил, никогда не оканчивалась в пользу врага. Последнее слово всегда оставалось за германскими наводчиками. Иногда на борьбу со сверхтяжелой артиллерией советское командование посылало эскадрильи боевых самолетов. Однако, и эти попытки успеха никогда не имели. Советские летчики не справлялись с задачей, так как распознать с воздуха хорошо замаскированную германскую батарею совершенно исключено и, следовательно, отпадает возможность произвести атаку. Таким образом, и тут еще раз доказывается неуязвимость германского артиллерийского оружия.

На Восточном фронте применение сверхтяжелой артиллерии оправдало себя полностью. Используя приобретенный опыт, германское руководство ввело сверхтяжелую артиллерию также и в оборонительную систему Атлантического вала. Там упомянутым орудиям еще пока не довелось сказать решающего слова. Однако, если англо-американцы осмелятся нарушить неприкосновенность Атлантической твердыни, то они получат достойный ответ. И ответ этот, по своей внушительной ясности, не потребует никаких дополнений.

Еще не пришло время бросить решающий калибр сверхтяжелых гранат на весь военный превосходства. Однако, несомненно, что наступит время, когда зияющие жерла стальных колоссов стихийной силой заставят стусеваться врагов Германии.

Команда еще не подана. Но когда прозвучит час, то наводчики и орудийная прислуга германских сверхтяжелых орудий внесут свою немалую лепту в гигантскую борьбу за создание Новой, Свободной Европы.

Тяжелое германское орудие, установленное на железнодорожной платформе, открывает огонь

Тайна проясняется — тяжелое германское орудие готовится к стрельбе

Тяжелые германские снаряды поднимают при помощи особых кранов

Германское сверхтяжелое орудие заряжается снарядами тяжелого калибра

ЭРИХ КАРШИС

РЫБАЧИЙ СТАРОСТА

БОМАН

(Продолжение 49-ой)

И для молодого рыбацкого старосты бухточка стала камнем преткновения. Каждую ночь он долгое время простаивал в ней на якоре. Холодная сырость проникала в него, но он не обращал на это внимания. Время от времени он вслушивался в темноту, но рыбаки хорошо оборудовали уключины и их скрипа нельзя было расслышать. Он и не собирался накрывать рыбаков, его целью было только прекратить лов в бухте. Поэтому он время от времени заводил мотор и этого было достаточно, чтобы большинство рыбаков уходило домой.

Одна ночь выдалась особенно туманная, но Кристофу все-таки удалось заметить темный силуэт лодки, пробравшейся вдоль камышей к середине бухты. Два человека гребли, третий сидел на руле. Боман сразу завел мотор, и преследование началось.

Кристоф поднес бинокль к глазам. Великан, стоявший на корме лодки, был Зубат. В первый раз Кристофу удалось накрывать его на месте преступления. Сегодня он должен поймать Зубата. «Вперед, Оскар!» Мотор бешено работал. Лодка мчалась полным ходом, оставляя широкий след на зеркальной поверхности воды. Они заметно приближались к Зубату, но пока что было бесполезно его окликать. Только потеряв последнюю надежду на спасение, рыбак может быть, счастья. Беглецы бешено работали веслами. На корме, широко расставив ноги, стоял Зубат, спокойно управляя лодкой. Но ничего не помогало: лодка рыбацкого старосты все приближалась. Вот, она уже совсем близко...

«Стои!» закричал Кристоф. Гребцы всколыхнулись.

Послушались они? О, нет! Тот, кто слушается теперь, может быть только трусом или же подлецом. Они, конечно, не послушались. Но их лодка достигла мелкого места и они стали просто отталкиваться веслами от дна. Так дело пошло гораздо быстрее. Расстояние между обеими лодками

не уменьшалось. Напротив, оно стало увеличиваться. Боман отскочил от мотора. Винт, повидимому, запутался в водяных растеньях и лодка больше не могла двигаться вперед.

«Стои!» закричал Кристоф. «Задний ход!» Лодка рванулась назад и волна перекатилась через корму. Винт освободился, но рыбаки в это время успели уйти довольно далеко.

«Вперед!» Кристоф напряженно смотрел в бинокль. Мотор снова заработал, но стал давать сильные перебои. Проклятая, старая машина часто капризничала. Боман никакими силами не мог привести ее в порядок. Тук, тук, тук... тук, тук, тук... Они, правда, снова приблизились к беглецам, но берег был уже недалеко, а там начинались бесконечные лабиринты каналов Августовских болот. Только местный житель мог найти там дорогу. Если рыбаки достигнут берега, то поймать их уже не будет никакой возможности. Кристоф знал это. Нужно было прибегнуть к крайним средствам. Он выхватил из кармана револьвер и несколько раз выстрелил в сторону беглецов.

Рыбак, стоявший посредине, опустился на дно лодки, словно он был ранен. Остальные удвоили свои усилия. Вот, они уже заворачивают в канал и быстро скрываются за поворотом берега.

Кристоф перегибается через борт. Проклятие! Улизнули таки... А что, если попробовать все-таки...

Он круто оборачивается. «К камышам!» кричит он боману. Это уже последнее средство. Нужно достигнуть берега и попытаться отрезать им путь к следующему каналу. Лодка полным ходом врзалась в камыши. Кристоф перескочил через борт. Против ожидания, место было довольно глубокое и вода достигала до пояса. Наконец, он достиг берега, но беглецы в то время уже сворачивали в следующий канал. Они снова работали все в другом. Теперь уже было слишком поздно. Чтобы отрезать им путь, он должен был сделать громадный крюк до следующего поворота. Кристоф

знал здесь каждую тропинку, каждую канавку и именно поэтому он принимал, что перед рыбаками открывались сотни новых возможностей к бегству.

Кристоф решил бросить преследование. Стало быть, это была его первая встреча с Зубатом. Первый блин вышел комом...

Виттиненский кабачок сотряснулся от смеха. Рыбаки звонко хлопали себя по коленам и весело почесывали затылок. Новая выходка Зубата была чрезвычайно смешной. Этот рассказ можно было прослушать хоть десять раз, и с каждым разом он становился все интереснее.

Так как же все это произошло?

Рыбачий староста закричал «стой!» Ну, этак он мог кричать и до самого утра. Это послужило лишь знаком удвоить усилия. Потом он выхватил револьвер...

— Зубат вышел на середину зала и вытянул руку... — бах—бах—бах... послышались выстрелы, пули засвистели у них над головами и тогда произошло... Что же такое произошло?

«Ну, тогда Шторес шлепнулся!»

«Что он такое сделал?»

«Шлепнулся», по настоящему шлепнулся, как мешок муки на дно лодки... Потом он сложил руки и больше не дотрагивался до весла. «Шторес», крикнул ему Зубат, «попробуй снова встать, или ты хочешь, чтобы этот мерзавец поймал нас?» Но Шторес не шевельнул пальцем и только прошептал обескровленными губами: «Чорт побрал бы его револьвер!»

«Что он такое прошептал?» — «Проклятый револьвер!..» Взрыв хохота потряс помещение. Все весело похлопывают Штореса по плечу. Он же пьет пиво с окаменевшим лицом и бессмысленно смотрит в потолок. Он до сих пор еще находится под впечатлением происшедшего.

Проклятие... шепчет он, «проклятие...»

Все с почтением поглядывают на Зубата. Ему снова удалось перехитрить рыбацкого старосту. О, это было совсем не так легко, ведь Кристофу каждый пролищик, каждая бухточка прекрасно известны, точно так же, как и всем рыбакам.

«Браво, Зубат, браво! За твоё здоровье! Выпьем за твои проделки и за мокрые штаны рыбацкого старосты. Глубоко он провалился в воду? Расскажи-ка!..»

Рыбаки дико хохотали, подтягивали штаны и крепче застегивали широкие кожаные пояса. Потом снова заказывали пива...

Нельзя сказать, чтобы неудавшаяся погоня прошла для Кристофа бесследно. Но было необходимо, чтобы никто не заметил его переживания.

(Продолжение следует)